

Вадим ЩЕРБАКОВ

СТРАДАНИЯ ЮНОГО ПОДСЕКАЛЬНИКОВА

Сергей Женовач поставил в руководимой им Студии театрального искусства одну из самых замечательных русских комедий – «Самоубийцу» Н.Р. Эрдмана.

Убежден, что пьеса Эрдмана должна рано или поздно стать для современного отечественного театра тем, чем была грибоедовская комедия для сцены второй половины XIX-го столетия. Тогда антикрепостнический пафос основного конфликта «Горя от ума» отошел в прошлое, социально-политический контекст пьесы в изменившихся реалиях стал восприниматься вполне условно, и на первый план начали выходить вечные смыслы пьесы. Так и сейчас, надеюсь, пришло время заново открыть исключительный по мастерству работы со словом текст Эрдмана, не то чтобы забыв про «опыт построения социализма», но сознательно сместив акценты в сторону непреходящих обстоятельств человеческой жизни. Спектакль Сергея Женовача и его труппы стоит считать покушением в этом направлении.

Как и каждая настоящая русская комедия, «Самоубийца» – произведение трагическое. Недаром пьесы Эрдмана обрели сценическую жизнь в театре Мейерхольда, художника, чутко воспринимавшего именно комизм противоречий, из которых соткано трагическое бытие каждого индивидуума. К несчастью, мейерхольдовская постановка «Самоубийцы» не вышла к зрителям, но кое-что о ней известно. Хотя бы то, как в своем финальном монологе Ильинский-Подсекальников подпихивал мысочком ботинка револьвер – «Одолжайтесь!» – сидевшему в первом ряду Лазарю Моисеевичу Кагановичу (члену Политбюро, главе «суперов – соратников» присланных Сталиным решать судьбу пьесы), а тот пугливо поджимал ножки...

Между двумя пьесами Эрдмана перерыв вроде бы небольшой, но как изменилась страна! За шесть лет, которые прошли со времени премьеры «Мандата», благушинские мещане

слегка повзрослели. Они больше не выглядят в окошечко: не кончилась ли там, на дворе, революция? Они осознали крепко, что советская власть – навсегда. На их глазах произошел «великий перелом» от 20-х к 30-м, век-волкодав уже «заблестал» новым, еще невиданным оскалом. Еще недавно зрители ГостИМа смеялись над отчаянием обывателей, стихийный монархический восторг которых оканчивался ничем, – их даже арестовывать не хотели. Не чуяли ужасного смысла в словах Павлуши Гулячкина, объявлявшего, что он взамен отнятого магазина повесит новую вывеску и будет под ней торговать всем святым, что в русском человеке от человека осталось... Над новыми, помрачневшими шутками Эрдмана им посмеяться уже не позволили.

Повзрослевшего Гулячкина можно разглядеть в Александре Петровиче Калабушкине из «Самоубийцы». Том самом, который заведует вечно закрытым тиром и ловко продает всем заинтересованным лицам решимость Подсекальникова удалиться в мир иной. До идей ему по-прежнему дела нет, не верит он и в «мандаты»; нынче дорога ему только копейка, ибо позволяет срывать цветы сиюминутных радостей. Однако идейных остолопов кругом него полно. Они, наивные, хотят что-то доказать власти, рассчитывают, что та способна споткнуться о лежащий на ее пути труп безработного бедолаги. Им кажется, будто власть, которая оповестила мир о доволстве всех жителей страны, может измениться, обнаружив столько несчастных. Ан не на таковскую напали, курицы!

В своих монологах гражданин Подсекальников жалуется, что его – человека! – разжаловали в массу. Ему унижительно, обидно быть песчинкой. У него, конечно, нет жалованья, но есть амбиция. Он смешон и жалок ибо не способен понять суть переживаемой эпохи. Иное дело – курьер Егорушка. Этот отлично ощущает

Судьба запретных пьес. Возвращения

Сцена из спектакля.
Фото А. Иванишина

себя в массе масс. Он и псевдоним себе выбрал правильный: «35 тысяч курьеров». За этой подписью строчит Егорушка пока лишь пасквили в жанре доноса для местной газеты, но лиха беда начало – жанр сей всегда востребован в обществе. Егорушка – вечнозеленое будущее российского обывателя. Душевная склонность к доносительству вкупе с демагогией, свойственной господствующей идее, – вот качества, которые могут придать любой лохани крейсеровскую непотопляемость. Вчера Егорушка осваивал марксизм, сегодня – великодержавность, а завтра, глядишь, будет ковать иные скрепы. Не могу поэтому понять, зачем режиссер Женовач назначает на эту молодую роль седовласого Сергея Качанова? Актер, конечно, текст отыгрывает справно, но и возрастом, и костюмом отсылает зрителя в противоположную сторону – не в будущее, а в прошлое.

Драматург Эрдман владел уникальным секретом: в его комедиях дураки говорили смешнейшие глупости, которые в сознании публики непостижимым образом складывались в умнейшие и печальнейшие истины. Обретение режиссерского и актерского хода к овладению этим секретом до сих пор представляется открытой проблемой. Опыт спектакля СТИ, к сожалению, может расцениваться лишь в качестве осторожного ее прощупывания.

Студия перевела «Самоубийцу» в регистр привычного для себя разговора о «русских

мальчишках». Те из них, которые имели идеи, дорвались до власти и строят невиданное общество. Те же, кто метался между желаниями то ли конституции, то ли севрюжины с хреном, вынуждены терпеть стальную поступь их строительства на своих спинах. А есть еще и такие, у кого ни малейших идей нет, в чьих головах вьются лишь пустые фантазии – и имя им легион.

Эдаким-то шалопаем и выведен на сцену СТИ юный Семен Семенович Подсекальников, безработный обыватель и обидчивый семейный диктатор, в подчинении которого обретаются безропотные жена и теща. Исполнение Вячеславом Евлантьевым этой роли можно смело счесть главной удачей спектакля. Психофизические свойства актера придают Подсекальникову новые занятные краски. Славный малый, обидчивый как подросток, но будто свежеевымытый – чистый и ясный. Конечно, такое решение лишает роль расплюевского диапазона. Сеня у Евлантьева ни на секунду не противен, ни капельки не страшен. Режиссер и актер переводят героя из зоны сатиры в область теплого юмора.

Как он сияет в интермедии, которая воплощает его мечту об освоении «бейного баса», когда бродит по залу в сопровождении наяривающего духового оркестрика и освещает своей улыбкой зрителей! Как славно стоит в поставленном режиссером на попа гробу,

выслушивая речи в свою честь! Актер играет идеально трогательного покойника – заострившийся носик повернут на сторону, ручки безмятежно сложены на животе, пяточки вместе, носочки врозь – картинка!

И в то же время молодость главного героя заставляет комедию отсвечивать страшноватым светом. Такой юный и уже лишний? Уже не мечтает ни о чем большем, кроме хорошего жалования и «права на шепот» супротив властей? И этот обиженный на всех ближних и дальних русский мальчик уже выше любых идей ценит жизнь? Какими радостями она успела его одарить, чтобы так за нее цепляться? Неужели ливерной колбасы и преданности хорошенькой жены Маши достаточно?

Задаешь себе вопросы, полные этих недоуменных «уже», и понимаешь, что они-то и выстраивают мост в современность, в мироощущение сегодняшних мало чему обученных и абсолютно никому не нужных мальчиков и девочек. Причем не только в нашей стране.

Весь мрачный анекдот самоубийства превращается при таком решении в дурацкую шалость. Впервые почувствовав интерес к собственной персоне, Подсекальников готов продолжить свое столь успешное прощание с жизнью. Он честно хочет застрелиться, чтобы не расстраивать своих новых замечательных знакомых, но не может. Шалость приобрела угрожающие последствия и способна разрешиться лишь другой шалостью – игрой в покойника. Быть может, именно это перевод конфликта в регистр шалости придает финалу спектакля силу.

«В чем мое преступление? Только в том, что живу, – уверенно оправдывается Подсекальников. – Я живу и другим не мешаю, товарищи. Никому я на свете вреда не принес. Я козявки за всю свою жизнь не обидел. В чьей я смерти повинен, пусть он выйдет сюда!»

Но прибегает через зал к сцене писатель Виктор Викторович и сообщает:

«Федя Питунин застрелился. И оставил записку. <...> “Подсекальников прав. Действительно жить не стоит”».

Тогда происходит главное событие постановки – во всяком случае для меня.

Глаза себялюбивого обывателя Подсекальникова наполняются слезами. Он робко ступевывается, уходит в сторону. Многозначие тихого поклона-прощания, которое рифмуется с тем искренним пафосом, с каким стоял в почетном карауле возле фальшивого покойника глухонемой парень, не имевший никакого понятия о скверной подоплеке события (отлично, кстати, сделанный Глебом Пускепалисом эпизод). (Парень стоял горестно! Он не притворщик! Один единственный естественный, не актерствующий, не имеющий своего интереса человек!)

Получается, что спектакль поставлен не столько про всяческую неспособность молодого человека на любую шалость (этот сюжет г. Евлантьев отыгрывает замечательно), сколько про материальность мысли и нашу ответственность за любую шалость. Ради этого постановке можно извинить многое.

Вспоминая 1919 г., Анатолий Мариенгоф описывает такой сюжет. Все поэты-имажинисты были бедны. Николай Эрдман обладал единственной парой штанов, которую по природному пристрастию к порядку и тяге к эlegantности постоянно тщательно утюжил, чем довел брючную материю до зеркального блеска. Поэты были тщеславны и самонадеянны. Они любили мечтать о том, что в скором времени каждому из них поставят памятник. Есенин уверял, что самым популярным будет монумент имажиниста в зеркальных штанах, а женщины станут назначать свидания именно у памятника Эрдману, смотреться в зеркальную поверхность его монументальных брюк и тщательно поправлять свой макиаж...

Мне жаль, что в нашем городе нет такого памятника. Его отсутствие смогли бы восполнить постановки комедий Н.Р. Эрдмана. Хорошо, если бы их было больше и в них, как в зеркала, смотрелись все, имеющие ум и сердце.